

форму и „строго воздержное на слова и выразительное изложение“. Характеризуя слог Грановскаго, Кудрявцевъ, между прочимъ, мѣтко указалъ на своеобразное построение и замкнутость его фразъ, въ которомъ всѣ „объяснительныя и дополнительные рѣченія всегда искусно подобраны въ средину рѣчи“.

Обращаясь къ самому содержанію статьи Кудрявцева, мы сначала коснемся двухъ возраженій Грановскому, которыя для насъ важны не столько по существу, сколько потому, что они хорошо знакомятъ съ образомъ мыслей Кудрявцева. Говоря о различіи античной исторіографіи отъ новой, Грановскій исходилъ изъ вѣрной мысли, что въ наше время *научный элементъ* въ исторіографіи долженъ стоять на первомъ планѣ, долженъ составлять преобладающую работу историка. Но, проводя эту мысль, Грановскій высказалъ ее въ нѣсколькихъ положеніяхъ, которыя Кудрявцевъ не хотѣлъ оставить безъ протеста. Такъ, напр., Грановскій говорилъ: „Ясно, что при настоящемъ состояніи науки, она должна отказаться отъ притязаній на художественную оконченность формы, возможную только при строгой опредѣленности содержанія, и стремиться къ другой цѣли, т.-е. къ приведенію разнородныхъ стихій своихъ подъ одно единство науки“. Кудрявцевъ вполне соглашался съ авторомъ рѣчи въ томъ, что для исторіи выросла новая великая потребность, и что современный историкъ долженъ посвящать большую часть своихъ усилій *научному изслѣдованію*, но онъ не хотѣлъ поступиться *художественной* формой, какъ существенной *потребностью* также и современной исторіографіи. Онъ видѣлъ одну изъ несомнѣнныхъ великихъ заслугъ античнаго человѣка въ томъ, что онъ всюду за собою вносилъ *облагороживающій* элементъ искусства, и настаивалъ на томъ, чтобы нашъ вѣкъ не отрекался отъ этого античнаго наслѣдства, чтобы историкъ „не отказывался, какъ заявлялъ Грановскій, отъ притязаній на то совершенство формы, которое у народовъ классическаго міра было слѣдствіемъ исключительныхъ, не существующихъ болѣе условий“. „Требованія науки, — возражалъ Кудрявцевъ, — могли увеличиться, вслѣдствіе расширенія ея области, идеалъ художественнаго исполненія отдалился на значительное разстояніе; осуществленіе его стало на нѣсколько кратъ труднѣе; но кто станетъ утверждать, что онъ вовсе не существуетъ для историка нашего времени?“

Разногласіе между Кудрявцевымъ и Грановскимъ не могло быть существенно въ вопросѣ о формѣ историческихъ сочиненій, и первый самъ ссылаясь на произведенія Грановскаго въ доказательство того, „что художественная обработка не стала дѣломъ,